

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

УЗБЕКИСТАН: СОВЕТСКИЙ СИНДРОМ В ГОСУДАРСТВЕ, ОБЩЕСТВЕ, ИДЕОЛОГИИ

Фархад ТОЛИПОВ

*доцент кафедры политологии
Национального университета Узбекистана
(Ташкент, Узбекистан)*

В в е д е н и е

Нынешний широкомасштабный процесс трансформации новых независимых государств Центральной Азии (ННГ ЦА), начавшийся после ликвидации Советского Союза, я условно называю *постсоветизмом*. Этот термин подразумевает появление определенных новых, современных институциональных качеств процесса национального и государственного строительства, связанных с естественной потребностью в адаптации к существующему мировому порядку.

Вместе с тем после обретения независимости многие ожидали частичной или значительной реставрации того, что можно назвать *досоветизмом*, что означает набор характеристик внутренней и внешней политики, а также международных отношений между бывшими «колониями», ко-

торые существовали еще до установления советского правления на этих территориях.

Однако то, что должно было или могло проявиться в виде постсоветизма или досоветизма, во многом оказалось не чем иным, как *неосоветизмом*. Последнее не есть что-то случайное в развитии ННГ ЦА, а вызвано перманентным фактором политической, социальной, психологической, исторической, экономической и географической реальности на этой огромной территории.

Советский синдром характерен практически для всех постсоветских республик — ныне членов СНГ, однако наиболее ярким проявлением этого феномена стала система «госуправление — гражданское общество — идеология» в Узбекистане.

Эффективность правления

Чтобы понять проблему эффективности правления, следует прежде всего обратить внимание на существование другой проблемы — разрыв между де-юре и де-факто демократией в стране. Первая означает наличие, так сказать, законодательной и институциональной форм демократического правления; вторая — фактическое наполнение формы содержанием, то есть имплементацию законов и свободное функционирование институтов демократии. Анализ данной проблемы показывает существование разрыва между де-юре и де-факто демократией в Узбекистане — условно, в девяти сферах, а также наличие, опять же условно, восьми концептуальных дихотомических вопросов демократического конструирования¹.

Такой разрыв заметно контрастирует с курсом на либерализацию политической, экономической, правовой и духовной сфер, который был провозглашен еще на XIV Сессии Олий Мажлиса (парламента) Узбекистана в 1999 году. Этот курс определил новый принцип государственного и общественного строительства: «От сильного государства — к сильному гражданскому обществу». Видимо, он должен был модифицировать один из первых принципов социально-экономических и политических реформ в Узбекистане начала эпохи независимости: «Государство — главный реформатор».

Каковы же эти девять проблем и восемь концептуальных вопросов?

Первая проблема — партийная система. Сегодня мы можем критически утверждать, что формирование партийной системы как важнейшего элемента гражданского общества сильно пробуксовывает. Существующие партии почти не отличаются друг от друга как по программным целям и положениям, так и по характеру политической деятельности. Они не только не демонстрируют какого-либо соперничества, но и не представляют собой какой-либо оппозиции власти. Их идейные основы довольно размыты, авторитет и влияние в обществе незаметны. За 16 лет независимости и «строительства демократии» оппозиционные партии в стране так и не появились.

Есть как объективные, так и субъективные причины такой ситуации. С одной стороны, имевшая место в годы СССР почти тотальная *партизация*, если можно так выразиться, общественного сознания сменилась почти тотальной *департизацией* в период независимости. В условиях этой идеологической сумятицы признаки *репартизации* очень слабы. С другой стороны, несомненно, становление в стране действительной партийной системы искусственно сдерживается недемократическими политическими методами.

Вторая проблема касается деятельности местных органов самоуправления граждан, прежде всего махаллей (сообществ, образованных на основе компактного проживания по соседству на определенной территории). Например, в столице, особенно в районах, где имеются многоэтажные жилые дома и кварталы, сложилось двоевластие, когда одни и те же вопросы, связанные с условиями жизни и быта граждан, могут решать одновременно как махаллинские комитеты, так и сохранившиеся управления ЖЭКов. При этом зачастую ни первые, ни вторые не справляются с социальными и бытовыми проблемами жителей. В таких условиях местное население неизбежно перестает доверять своим органам самоуправления, деятельность которых сводится либо к ремонту квартир и сбору налогов за коммунальные услуги — в случае с ЖЭКаами, либо к распределению скромных материальных и финансовых средств, выделенных государством для оказания помощи осо-

¹ Я использую выражение «демократическое конструирование» вместо расхожего «демократическое строительство», имея в виду не столько практический процесс создания демократии как политической системы, сколько теоретический процесс создания адаптированной концепции демократии.

бо нуждающимся семьям, — в случаях с махаллями. О самоуправлении в подлинном смысле этого слова здесь говорить не приходится.

Проводимые в махаллях мероприятия, в том числе по предоставлению социальной помощи особо нуждающимся семьям, и в целом ведение дел, связанных с самоуправлением граждан, должны в корне отличаться от мероприятий государства, от государственного управления. Никакая правовая регламентация не должна подвергать их этатизации, уподоблять государственным структурам. В докладе организации «Хьюман райтс уотч» о махалле, опубликованном в 2003 году, отмечено, что правительство Узбекистана превратило махаллю из самостоятельного органа самоуправления в национальную систему надзора и контроля². Возможно, некоторые выводы этого доклада, касающиеся надзорных обязанностей махалли, преувеличены, поскольку эта структура сегодня очень слаба как институт. Однако ясно, что функционально данный институт искажен в том смысле, что он больше служит механизмом доведения воли государства до низов, чем наоборот.

Наряду с этим махалля сильна системой моральных регуляторов и выработанными веками нормами общегития, хотя и сама она сегодня нуждается в модернизации, чтобы соответствовать нынешним стандартам систем местного самоуправления в развитых демократических государствах. Более того, махалля должна развиваться не только потому, что она составная часть узбекской культуры и традиционного образа жизни, а скорее в силу того, что это необходимый элемент любого демократического общества, в котором сильны институты местного самоуправления граждан.

Третья проблема — местничество и клановость — настолько остра, что президент страны И. Каримов оценил ее как угрозу национальной безопасности. Никакое гражданское общество не может быть сильным и развитым, если в нем сохраняются пережитки племенных и родовых отношений. Отношения местничества и клановости разрывают гражданское общество и искажают то, что должно функционировать как демократическое государственное управление.

Когда на основе родственного, территориального или этнического принципов в государственных или иных структурах формируются структуры (чаще всего неформальные), движимые узкогрупповыми интересами и выводящие на первый план именно эти интересы — в ущерб общему делу, в ущерб общегосударственным, общенародным интересам; когда ради достижения собственных целей подобные структуры стремятся к продвижению своих представителей в существующих государственной, властной и иной иерархиях, тогда это становится опасным.

Самоизоляция регионов, ослабление и распад сложившихся хозяйственных связей и, как следствие, рост центробежных тенденций и сил внутри государства, а также нездоровая борьба за власть между кланами и регионами (а не между конструктивными политическими силами), таковыми, в частности, могут быть последствия консервации местничества и клановости в социуме. Подобная самоизоляция сегментов общества деструктивна, поскольку эти сегменты выпадают из гармоничных связей и отношений, скрепляющих гражданское общество.

Четвертая проблема — деятельность отечественных СМИ. Как четвертая власть, они должны были стать ядром гражданского общества, однако и в этой сфере сохраняются пережитки советской системы. В республике действует Фонд демократизации СМИ, постепенно создается соответствующая правовая база деятельности демократических средств массовой информации, ежегодно многих молодых журналистов направляют на стажировку в зарубежные страны, но отдачи нет. Существующие СМИ «безу-

² См.: Uzbekistan: From House to House. Human Rights Watch Report, September 2003, Vol. 15, No. 7 [www.hrw.org].

бы», в политических вопросах заняты лишь восхвалением проводимой государством политики.

Таким образом, в виде четвертой власти пресса еще не сформировалась и не заявила о себе в этом качестве в полный голос, она остается слабой, зависимой и недемократической.

Пятая проблема связана с неразвитостью механизмов изучения общественного мнения. Вопрос этот двоякий: как формируется и как учитывается общественное мнение? Во всех демократических странах оно служит барометром, определяющим состояние гражданского общества. Приходится констатировать, что ни формирование, ни изучение общественного мнения еще не стали повседневным атрибутом политической жизни республики. Проводимые отдельные опросы различных групп населения — слабые, малоэффективные попытки выявления общественного мнения. Зачастую респонденты либо не понимают цели и значения опросов их мнения, либо не готовы (очевидно, в силу подозрений, недоверия и опасений за последствия) выразить свое мнение. Нередко представители местных властей препятствуют проведению опросов населения в их регионах — вместо того, чтобы быть заинтересованными и всячески помогать в этом деле.

С другой стороны, результаты исследований независимых социологических центров и организаций остаются практически невостребованными, хотя гражданское общество должно быть сильно не только институционально, но и функционально. Иными словами, отношения между государством и гражданским обществом тем эффективней и качественней, чем больше интересы различных слоев населения и в целом общественное мнение учитывают в процессе принятия политических решений.

Здесь хотелось бы заметить, что в процессе перехода к рыночной экономике будет все отчетливее проявлять себя стратификация социума. Поэтому, формируя и учитывая общественное мнение, нам необходимо всячески добиваться гармонизации интересов различных слоев населения, профессиональных и иных групп, объединений и организаций. От этого во многом зависит и эффективность государственного управления.

Шестая проблема вызвана ухудшением качества и эффективности связей между социумом и государством. Это, кстати сказать, один из наиболее точных параметров, квалифицирующих состояние гражданского общества в стране и характер государственного управления. Как показывает опыт развития всех посткоммунистических стран, главный источник конфликтов граждан с госслужащими лежит в самой природе феномена государственного управления, который превращается в монополию определенного слоя людей на политический и управленческий разум. Эта монополия не в состоянии объективно отражать действительность, поскольку связана с неформально завышенным социокультурным статусом чиновничества, которое отождествляет себя с государством и порядком в госуправлении.

Такая ситуация, как мы видим, может привести к ломке правовой системы и дефициту необходимых законов; к правовой безнаказанности и криминализации многих сфер жизни; разнонаправленности интересов граждан и государственных чиновников, которые руководствуются в основном личными или ведомственными интересами.

Основные причины недоверия граждан к органам государственной власти вызваны тем, что их представители не умеют четко и ясно разъяснить цели, мотивы, формы и содержание своей деятельности; не способны — в силу низкой компетенции и непрофессионализма — практически организовать выполнение принимаемых решений. Сюда же следует добавить недемократический стиль и методы работы органов госслужбы, то есть стремление к закрытости, подавление гласности, кумовство, использование служебных полномочий в личных интересах или в угоду своему руководству, проведение в жизнь решений, не соответствующих интересам граждан.

Таким образом, низкая эффективность деятельности государственных органов, их неумение объяснять и решать реальные проблемы, стоящие перед страной и рядовыми гражданами, способствуют снижению доверия населения, его отчуждению от этих органов. Хотелось бы подчеркнуть, что демократические отношения в обществе, политическая активность, духовность, патриотизм граждан во многом могли бы подпитываться соответствующими действиями руководителей и функционеров на местах.

Отечественный политолог А. Абдухалилов обращает внимание на непрозрачность и отсутствие противовесов в административной системе страны. Эта объясняется следующими факторами:

- 1) отсутствием в парламенте реальных партий, оппозиционных по отношению к официальной власти;
- 2) состоянием гражданского общества, неспособного артикулировать и агрегировать свои требования;
- 3) отсутствием механизмов конструктивного диалога государства и гражданского общества;
- 4) слабостью информационно-аналитических программ, цель которых — повышать политическую культуру населения, что приводит к неинформированности населения о деятельности государственных структур.

Опросы и наблюдения показывают, что граждане не знают фамилий чиновников и других официальных лиц страны, например министра юстиции, министра внутренних дел, министра обороны, хотя осведомлены о деятельности и личностях министров Российской Федерации.

В стране нет закона о гражданских служащих, что приводит к нерегламентированным отношениям между чиновниками, а также между клиентом и бюрократом. При отсутствии такого закона возникают условия для появления зон неопределенности в процессе управленческой деятельности. В результате в управленческой системе республики еще в советское время сформировалось дисфункциональное управление, описанное известным американским социологом Р. Мертоном. Он обрисовывал бюрократическую систему в контексте подмены целей; по его мнению, бюрократ служит в первую очередь интересам своей организации, но не решению общественных проблем³.

Седьмая проблема, тесно связанная с предыдущей, — ситуация в судебно-правовой системе, которая не меняется коренным образом.

Количество жалоб граждан на неправомерные действия сотрудников правоохранительных органов, необоснованные приговоры и решения судов увеличивается, о чем свидетельствует статистика обращений в адрес уполномоченного Олий Мажлиса по правам человека (омбудсмена).

Продолжают вызывать беспокойство общества неправомерные действия некоторых представителей органов внутренних дел, которые не только грубо и неуважительно обращаются с гражданами, но и считают себя вправе применять психическое и физическое насилие, жестокое обращение с задержанными, заниматься вымогательством, халатно и небрежно относиться к своим обязанностям по охране общественного порядка и искоренению преступности.

Восьмая проблема лежит в сфере экономики. Развитие частного предпринимательства и подлинно рыночных отношений сегодня сдерживается из-за преобладания далеко не рыночных механизмов регулирования экономики. В Узбекистане сильно выражена

³ См.: Абдухалилов А. Проблемы и перспективы административных реформ в республике Узбекистан // Центральная Азия и Кавказ, 2007, № 6 (54).

так называемая рентная экономика. Это позволило влиятельным группам создать для себя источники концентрированных выгод (т.е. экономических рент). Отечественные экономисты Эшреф и Искандер Трушины отмечают, что основным содержанием переходного периода во многих странах СНГ стала борьба за ренты и их перераспределение, а не переход к более эффективной экономике и справедливому распределению национального дохода. «Предприниматели в частично реформированных переходных экономиках, — пишут они, — быстро поняли, что они могут получить намного больше прибыли путем сохранения привилегий, чем путем открытия новых или реконструкции существующих предприятий. Коррупция стала естественным результатом этой системы поиска рент»⁴.

В последнее время на рынках отмечаются странные факты. Так, в 2007 году подсолнечное масло подорожало на 130—160% (с 1 600—1 800 сумов до 3 700—4 700 сумов за 1 литр). Сегодня его цена держится на уровне 3 700—4 200 сумов. Не намного дешевле хлопковое масло: в магазинах и на рынках его продают по 3 000 сумов за 1 литр. При распределении через махаллинские (квартальные) органы самоуправления (современный узбекистанский эквивалент талонной системы) жители получают две бутылки масла в руки по 1 700 сумов. Правда, обычно людей извещают, что привезли масло по 1 700 сумов, но продают его по 1 800 за 1 литр, так как 100 сумов берут за доставку. С какой частотой реализуют дешевое масло, неизвестно, так как правил здесь нет, и о его подвозе в основном сообщают через махаллинский комитет или жилищное товарищество. Обычно это случается раз в 1—2 месяца, вызывая массовый ажиотаж. Фактически введена распределительная система реализации растительного масла⁵.

Девятая проблема обусловлена несоответствием провозглашенных лозунгов, политических принципов, даже некоторых законов реальной ситуации в сфере духовности и просвещения. Одно из наиболее выраженных проявлений этой проблемы — кризис системы образования. Школы, лицеи, колледжи, университеты испытывают острый дефицит высококвалифицированных преподавателей, учебников (особенно на узбекском языке), технических средств обучения и т.п. Наука не пользуется приоритетным вниманием государства (месячная зарплата доцента университета составляет около 200 долл.). Система образования по-советски чрезмерно идеологизирована. С седьмого класса школы и до окончания магистратуры в университете учащимся преподают такие идеологические предметы, как «Идея национальной независимости», «Основы духовности». В школах и лицеях приоритет советской дисциплины довлеет над качеством знаний.

Разумеется, эффективность правления в новом независимом государстве Узбекистан, где оказались сильны пережитки советской политической традиции, не может не зависеть от всевластия госаппарата. Систему правления, основанную на всевластии госаппарата, я называю «аппаратным менеджментом». Она не может не паразитировать на клиентеллизме, nepотизме, плутократии, клановости и... на *абсентеизме демоса*. На этом фоне клептократические черты системы госучреждений становятся все более труднопреодолимыми. Судя по всему, такие черты характерны для всех республик Центральной Азии.

Интересное обобщение подобных систем сделал Уэйн Мери:

«...постколониальный опыт стран «третьего мира» наиболее подходит для Центральной Азии с целью воспроизводства того, что в Африке называется типом режима «Большого человека». В таких режимах обычно доминируют члены одной этнической

⁴ Трушин Э., Трушин И. Институциональные барьеры в экономическом развитии Узбекистана. В сб.: Центральная Азия и Южный Кавказ: насущные проблемы / Под ред. Б. Румера. Алматы: ТОО «East Point», 2006. С. 227.

⁵ Источник — Фергана.Ру [www.fergana.ru], 7 апреля 2008.

группы или клана, а у власти обосновывается единственный человек — Великий лидер и его семья. (Это ведет к тому, что описано в остроумном высказывании в некоторых постсоветских странах: стремление Сталина построить социализм в одном государстве сменилось задачей создать социализм в одной семье.) Такие режимы не делают различий между общественным и личным богатством, трансформируя коррупцию из формы социального отклонения в эффективную государственную политику. Эти режимы поддерживают политический контроль, строго ограничивая участие в политическом процессе, расширяя государственную власть на широкий ряд гражданских институтов, включая бизнес, профсоюзы, религию и СМИ; ...и давая отповедь западным критикам, что местное население «не готово» к демократии, создание которой «требует времени». В итоге, такие режимы почти неизбежно сталкиваются с кризисом в своих попытках передать власть новому поколению в рамках правящей семьи или клана, так как власть и легитимность первого постколониального «Большого человека» могут быть слишком велики для преемника»⁶.

Тем не менее вся политическая жизнь пропитана духом реформ. На период преобразований привыкли ссылаться как политики, так и идеологи и аналитики, когда им приходится объяснять возникновение временных трудностей в управлении экономической, социальной и другими сферами. «Для граждан республик Центральной Азии, — пишет американский политолог Грегори Глисон, — реформы стали перманентным условием правления и скорее объяснением того, почему дела не идут, чем того, почему они идут»⁷.

Что же касается восьми концептуальных вопросов, то они группируются следующим образом.

1. Совместимость секулярного государства и мусульманской культуры.

Известный принцип отделения государства от религии принят повсеместно *a priori* как аксиома. Но сегодня, в контексте исламского возрождения в обществе, а также на фоне вызова, брошенного религиозным экстремистским крылом, этот принцип как бы утрачивает свою аксиоматичность и нуждается в подтверждении посредством академического осмысления и общественного дискурса.

2. Совместимость ислама и демократии.

Оппоненты политической системы со стороны религиозного экстремистского крыла настаивают на теократии, утверждая, что Халифат является единственно верным выбором для страны. Ради этой цели они вступили на путь вооруженной борьбы с государством. Но, очевидно, лучшая мера против радикализации ислама — сам ислам и его правильное понимание. Следует ли отчуждать демократию от ислама? В демократическом процессе этот вопрос должен получить полное освещение.

3. Демократия или автократия?

В последнее время некоторые новые пропагандисты говорят, что для таких азиатских обществ, как центральноазиатские, демократия чужда, что она западное явление. Эту риторику местных пропагандистов подхватили и отдельные за-

⁶ Merry E.W. The Politics of Central Asia: National in Form, Soviet in Content. В кн.: In the Tracks of Tamerlane. Central Asia's Path to the 21st Century / Ed. by D. Burghart, T. Sabonis-Helf. Washington, D.C.: National Defense University, 2004. P. 30.

⁷ Gleason G. Reform Strategies in Central Asia: Early Starters, Late Starters, and Non-Starters. В кн.: In the Tracks of Tamerlane. Central Asia's Path to the 21st Century. P. 43.

рубежные аналитики (может, и наоборот: эту риторику местные идеологи заимствовали у своих зарубежных коллег). Так, российский ученый В. Наумкин пишет: «Когда западные аналитики говорят об авторитаризме И. Каримова, они не замечают, что этот авторитаризм не есть каприз или политическая линия, а неотъемлемое свойство традиционной политической культуры Узбекистана»⁸. Наверное, сотни тысяч граждан Узбекистана, особенно представители интеллигенции и молодежи, стремящиеся к демократии, не согласятся с такой характеристикой их политической культуры.

4. Безопасность или демократия?

Широко распространено мнение о приоритетности задач национальной безопасности перед задачами демократизации. Оно вызвано стереотипом «безопасность важнее всего» и усилено вызовами безопасности, с которыми страна столкнулась со дня обретения независимости. Однако здесь произошло, на мой взгляд, сужение понятий. Безопасность и демократия не альтернативы, даже в условиях угроз. Более того, сегодня в мировом сообществе все больше укореняется другая максима: демократия способствует безопасности и даже является важнейшим условием стабильности, мира и безопасности. Так что в Узбекистане участники дискурса о демократии должны определиться и относительно этого концептуального вопроса.

5. Национальная модель или универсальная?

Не решен на концептуальном уровне и вопрос о соотношении национальной и универсальной моделей демократии. Дискуссия о национальной модели ведется в Узбекистане уже давно, однако она пока сведена к упрощенной формуле: мы не будем копировать западные образцы демократии. В результате в общественном мнении распространяются по-советски искаженные представления о мире, демократии, даже о собственной стране.

6. Постепенное или быстрое движение?

Сторонники статус-кво создали концепцию так называемой поэтапности движения к демократии, а в оправдание его медленности ссылаются на то, что западные государства шли к ней 2—3 и более столетий. К тому же они добавляют, что общество еще не готово к демократии, а ускоренная его либерализация якобы может привести к дестабилизации общественно-политической обстановки в стране. По данному концептуальному вопросу также можно дискутировать с разных позиций, но пока доминирует по-советски звучащий тезис о демократии как о светлом будущем.

7. Либерализм или патернализм?

О таких республиках, как Узбекистан, бытует представление как о стране и обществе, в которых сильны патерналистские традиции и практически нет либеральных. Согласно такому взгляду, роль государства во всех сферах будет оставаться значительной. Если такая формула верна, то насколько содержателен курс на либерализацию, провозглашенный в 1999 году?

8. Модернизация или традиционализм?

Существует и такое концептуальное затруднение в осмыслении демократического прогресса Узбекистана. Порой отдельные эксперты утверждают, что

⁸ Naumkin V. Uzbekistan's State-Building Fatigue // The Washington Quarterly, Summer 2006. P. 138.

модернизация государства, частью которой, как правило, являются демократизация, урбанизация и индустриализация, вызовет болезненные последствия в традиционном узбекском социуме. Известный американский политолог Дэвид Аптер определяет модернизацию как процесс сознательного направления и контролирования социальных последствий растущей ролевой дифференциации и организационной сложности в обществе⁹. В случае таких стран, как Узбекистан, которые уже однажды пытались совершить прыжок из феодализма в социализм, нынешняя модернизация может оказаться новым прыжком из традиционализма в новое общество. Поэтому Аптер предупреждает, что в политике модернизации следует учитывать наличие и устойчивость норм, ценностей и институтов, характерных для домодернизационного и додемократического периодов.

Очевидно, что все это фундаментальные концептуальные вопросы, носящие дихотомический характер. Они имеют прямое отношение к главному вопросу о своевременности, содержании, форме и перспективах демократического выбора государства.

Состояние гражданского общества

В последнее время риторика построения гражданского общества (ГО) в Узбекистане приобрела некое эйфорическое содержание. Утверждается, что для продвижения демократизации необходимо создать институты ГО, и эта задача трансформировалась чуть ли не в стратегическую государственную программу. Однако, согласно политической теории, это не обязательно должно быть так.

Определяя гражданское общество как совокупность самоорганизующихся медиаторных (посреднических) групп, выдающийся американский исследователь Филипп Шмиттер предупреждает, что сами по себе эти группы «необходимое, но недостаточное свидетельство существования ГО, ибо подобными организационными структурами могут манипулировать государственные или частные акторы, или же они могут оказаться не более чем фасадом, прикрывающим деятельность социальных групп, стремящихся узурпировать власть легитимных государственных органов или «негражданскими» средствами осуществлять господство над другими социальными группами»¹⁰. Кроме того, хотя гражданское общество и содействует консолидации демократии, оно не является ее непосредственной причиной. «Само по себе оно не может породить демократию или обеспечить существование уже возникших демократических институтов и норм»¹¹.

С этой точки зрения создание институтов ГО в Узбекистане зачастую выглядит как советское мероприятие, а не как естественный процесс, который в действительности должен быть и продуктом демократии, и сам порождать демократию. Говоря о естественном процессе, следует обратить внимание на то, что узбекистанская нация еще сохраняет разделяющие ее пережитки, в частности устойчивость кланового разделения. Поэтому когда говорят обобщенно о некоей национальной специфике, азиатском типе общества как о главных препятствиях в процессе демократизации, это может быть ис-

⁹ См.: *Apter D. The Politics of Modernization. Chicago — London: The University of Chicago Press, 1965. P. 56.*

¹⁰ *Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис, 1996, № 5.*

¹¹ Там же.

кажением действительности, поскольку теоретические обобщения в этом вопросе полны серьезных погрешностей.

Например, в Узбекистане не столько абстрактный азиатский социум, сколько конкретное разделение на микросообщества, в том числе на кланы и иные группы, сохраняющие память о родовом происхождении. Они во многом предопределили философию патернализма, сильной центральной власти, интегрирующей эти кланы, роды и местные сообщества в одну нацию, в одно государство, обеспечивая тем самым более высокую степень их безопасности и выживания. Но устойчивость пережитка — объективная проблема. Есть и проблема субъективная, которая часто выражается в понятии «политическая воля». На эту проблему в свое время обратил внимание упомянутый выше Ф. Шмиттер: «К сожалению, в современных неodemократиях акторы явно больше озабочены сиюминутной выгодой и потому не намерены делать ставку на возможные преимущества, вытекающие из наличия действующего и жизнеспособного ГО»¹².

Более того, сознательно или нет, но культивируется конформизм, отсутствие демократической рефлексии (ведь, например, на месте исчезнувших оппозиционных партий «Бирлик» или «Эрк» сразу же могла бы возникнуть новая демократическая оппозиционная политическая сила, и этот процесс был бы естественным, непрерывным и постоянным); отмечается какое-то социальное отторжение демократии.

Чем дольше государство, главный реформатор, будет медлить с либерализацией и демократизацией, тем труднее будет ему же выполнять миссию главного реформатора в инициировании демократии. Государству кажется, что единственно верный путь — постепенная демократизация, поскольку считается, что народ не готов к радикальным демократическим преобразованиям. При этом не приводится убедительных доказательств правильности такого выбора. А существующие в стране политические партии, которые по определению должны были придать импульс демократизации, иначе как оппортунистическими назвать невозможно. В результате получается, что народ действительно будет все меньше и меньше готов к демократии, ведь у него все больше будет атрофироваться **природное демократическое начало**.

Итак, мы открываем странное явление: чем дольше государство будет проводить политику медленных демократических реформ в стремлении как бы постепенно, осторожно возвращать демократические начала общественной жизни, тем меньше демократии оно получит. Ошибка избранной стратегии в том, что она игнорирует априорное существование естественного демократического начала в общественных отношениях, которое не нуждается в чрезмерной государственной опеке.

Таким образом, наблюдается тревожная тенденция к культивированию авторитаризма, причем не только авторитаризма государственного, но и, как бы это ни звучало странно, социального. Последний означает, что в обществе постоянно возвращается новое поколение управленцев, политиков и бюрократов, для которых недемократические методы управления есть наиболее востребованный, наиболее надежный, комфортный и единственно возможный способ самовоспроизводства. Происходит удивительная политическая метаморфоза — легитимация авторитаризма, пронизывающего практически все страты общества и государства.

Такое качество «национальной демократии» я называю **конформистской демократией**. Слово «демократия» здесь, разумеется, использовано в карикатурном смысле. Всеобщий конформизм, согласие с любыми решениями властей, социальная индифферентность и абсентеизм — особенности конформистской демократии. Этот строй действительно можно — условно и иронически — назвать демократическим, поскольку на основе «всеобщего согласия» порождается иллюзия легитимности, народной поддержки власти и в

¹² Там же.

конце концов эта власть (если не вся, то отдельные ее сегменты) способна паразитировать на конформизме масс. Проявлений этого много. Яркий пример конформистской демократии — отношение масс к вопросу о присутствии военного контингента США на территории Узбекистана в рамках антитеррористической кампании в Афганистане. Как ввод этого контингента был встречен с восторгом, так и его вывод потребовали якобы от имени масс, и тот же восторг был организован вновь.

Советский синдром при этом проявился в том, что антиамериканизм раздули на основе широко распространенного, благодаря безосновательной пропаганде, мнения о якобы раскрытом заговоре США против Узбекистана. Кстати, отвечая на вопрос о том, было ли правительством Соединенных Штатов причастно к так называемой «революции тюльпанов» в Кыргызстане, бывший в то время президентом республики А. Акаев ответил: «Думаю, их влияние сыграло главную роль». Он сказал о том, что оппозиции оказывали поддержку американские организации Национальный демократический институт, «Фридом хаус» и ряд других. «Они проводили тренинги и обеспечивали финансирование»¹³. Подобная аргументация стала общим местом у критиков американской политики по продвижению демократии.

Как утверждают многие наблюдатели и аналитики, в событиях в балканских странах, в Грузии, в Украине явно прослеживается влияние зарубежных спонсоров. Такая интерпретация сегодня доминирует и в Узбекистане. В качестве доказательства приводятся следующие аргументы:

- к массовым выступлениям участники готовились долго;
- в Сербии, в Грузии и в Украине работу вели одним и тем же способом; сценарии проведения демократических выборов в Афганистане и Ираке тоже схожи;
- представители зарубежных организаций вкупе с местными активистами, указывая на накопившиеся социальные и экономические проблемы, стремились возбудить у населения массовое недовольство и недоверие к действующей власти.

При этом наблюдатели отмечают схожесть сценариев проведения выступлений и замены власти в стране. Для подтверждения этих мыслей говорят о том, что зарубежные НПО проводят семинары, тренинги и обучают молодежь демократии, политической грамотности и политической активности. С иронией упоминаются названия конкретных проектов, которые международные организации реализуют в государстве пребывания.

Я не могу полностью согласиться с подобными рассуждениями о возможных НПО-заговорах. Приведу некоторые аргументы.

- Во-первых, а чему еще они должны учить на своих семинарах и тренингах, если не политической грамотности и политической активности? Следует сказать, что подозрения относительно содержания семинаров довольно «неосторожны», поскольку в принципе любую тему семинара или тренинга, любую лекцию или выступление какого-либо иностранного эксперта (да и местного профессора) при желании можно истолковать искаженно.
- Во-вторых, и сам Узбекистан давно призывает к большей политической активности. Ведь государство, парламент и президент страны еще в 1999 году провозгласили стратегический курс на либерализацию и переход от сильного государства к сильному гражданскому обществу. Это означает, помимо прочего, что

¹³ Уоли Н.П. Свергнутый президент Киргизии обвиняет в перевороте США // The Guardian, 31 марта 2005 [http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1112310060].

рано или поздно действительная политическая борьба между партиями и иными группами должна развернуться и безотносительно к тому, есть в стране зарубежные НПО или таковых нет.

- В-третьих, благодаря государственным программам поддержки ученых и студентов ежегодно сотни граждан республики проходят учебу или стажировку за рубежом, в том числе в США. Многие из них, особенно представители гуманитарных наук (политология, социология, история), получают там то, что можно назвать профессиональными уроками демократии. И количество прошедших обучение, стажировку либо участвовавших в разных международных проектах и конференциях растет из года в год. Если существует НПО-заговор, то не лучше ли готовить его среди тех, кто далеко за пределами своего государства? И следует ли из этого, что нужно снова оградить страну «железным занавесом», как в советское время?
- В-четвертых, самостоятельное значение имеет огромный приток в Узбекистан зарубежной научной, публицистической и общественной литературы, в том числе журналов, газет, книг, брошюр, видеокассет. Не все они несут в себе исключительно позитивную информацию об Узбекистане и социально-политических процессах в стране. Во многих из них можно найти и серьезную критику, которая подчас бывает сильнее критики со стороны НПО.
- В-пятых, свой вклад вносит Интернет. Даже если не учитывать международные НПО, то по каналам мировой электронной коммуникации ежедневно распространяется огромный поток информации — правдивой и лживой, дружественной и враждебной.
- В-шестых, с первых дней независимости и без заговора НПО существуют не только позитивные оценки реформ в Узбекистане, но и международная официальная критика (далеко не позитивная) в адрес республики. Вспомним регулярные слушания в Конгрессе США по вопросам соблюдения прав человека и состояния демократии в странах Центральной Азии. Вспомним критические замечания Европейского банка реконструкции и развития, высказанные в ходе собрания ЕБРР, состоявшегося в мае 2003 года в Ташкенте. Разве такие оценки не влияют на общественное мнение в государстве?
- В-седьмых, зарубежные НПО несправедливо объявляют «ведьмами», охота на которых помогает отвлечь внимание общества, поскольку практически все обвинения в их адрес (даже если считать эти обвинения уместными) не подкреплены беспристрастным юридическим расследованием. Более того, как правильно заметил грузинский ученый, анализирувавший внутренние и внешние факторы «революции роз», «зарубежные силы не могут обеспечить победу «бархатных революций», если для того нет условий в самой стране»¹⁴.

Подозрения в возможных попытках организовать в Узбекистане «оранжевую революцию» с участием международных НПО не только неуместны, но и, я уверен, даже не в их интересах. Запад и мировое сообщество в целом заинтересованы в политической и социальной стабильности в странах Центральной Азии. Нет сомнения, что при дестабилизации ситуации в регионе повысится активность террористических и экстремистских формирований. В результате такие экстремистские организации, как «Хизб ут-Тахрир», открыто отрицающие демократию, попытаются использовать все средства для захвата власти.

¹⁴ Мацаберидзе М. «Революция роз» и страны Южного Кавказа // Центральная Азия и Кавказ, 2005, № 2 (38).

Содержание национальной идеологии

Политическое поведение граждан во многом определяется содержанием и силой воздействия на общественное мнение специально подобранных и адаптированных к аудитории призывов, лозунгов, цитат и т.п. Вот некоторые варианты таких идей и лозунгов, принятых в обиход в Узбекистане.

«Свой путь независимости и прогресса» страны.

Узбекистан — государство с великим будущим.

Идея против идеи, просвещение против невежества.

Национальная программа по подготовке кадров.

Воспитание совершенной личности.

Духовность и просветительство.

От сильного государства — к сильному гражданскому обществу.

Туркестан — наш общий дом.

К глобализму через регионализм.

Зерновая независимость.

Энергетическая независимость.

Экспорториентированная экономика.

Это все нормальные идеи и концепции, в общем отражающие благие намерения и задачи государства, а также настроения народа. Однако создается впечатление, что их превратили в некие абсолюты, красивую декорацию политической системы (как и в советское время). По-видимому, национальную идеологию ошибочно стали воспринимать как набор максим, призванных продемонстрировать неповторимость, уникальность и своеобразие пути развития республики. Такое свойство у идеологии есть, но есть и функция, обращающая внимание на схожесть, повторимость и заимствование из других опытов развития.

Например, **своя специфика выразилась не столько в чем-то уникальном и неповторимом в опыте других стран, делающим движение к демократии своим, не копирующим иностранные образцы, сколько в воспроизводстве именно той особенности нации и национальной культуры, которая на самом деле является основным препятствием в самом этом движении.** Как отмечалось выше, в Узбекистане к таким особенностям относится клановая система. Правильно утверждая, что пережитки клановых отношений являются не только препятствием в демократическом развитии республики, но и угрозой ее безопасности, идеологи и политическая элита пока ничего не смогли сделать, чтобы устранить эти пережитки; более того — они их законсервировали.

Самое парадоксальное в риторике о национальной модели демократии состоит в том, что в ней скрыта попытка монополизировать самую демократию как систему, как ценность. Разумеется, А. Атанесян прав, когда утверждает, что «постсоветские лидеры стран СНГ пытаются адаптироваться к необходимости демократических преобразований и вместе с тем адаптировать их под себя...»¹⁵ «Неосоветские» пропагандисты даже

¹⁵ Атанесян А. Парадоксы демократии и тенденции демократизации в странах Центральной Азии и Южного Кавказа [http://www.perspektivy.info/oikumena/krug/paradoksy_demokratii_i_tendencii_demokratizacii_v_stranah_centralnoiy_azii_i_iuzhnogo_kavkaza_2008-0-12-10-39.htm].

присвоили себе единственно возможное толкование сущности демократии и путей ее создания. В результате мы пришли не к национальной модели демократии, а скорее к национальной модели ее отрицания, а идеология сыграла здесь, если можно так выразиться, роковую роль.

С конца 2003 года в Узбекистане наблюдается и ультранационалистическая (или ура-патриотическая) риторика неоидеологов. Они громко заявили о себе накануне закрытия представительства Института открытого общества Фонда Сороса в Ташкенте. Наиболее ярким их выступлением была статья в местной газете «Халк сузи», автор которой методом обращения к национальным ценностям старался дать ответ тем, кто, как он пишет, хотят учить нас демократии и правам человека. «С этой точки зрения мы не можем назвать человека, глубоко освоившего демократические взгляды и взявшего их на вооружение, но в сердце которого нет национальных ценностей, узбеком и совершенным человеком (Комил-инсон), — отмечено в этой статье... Возможно, чтобы понять эти ценности, необходимо родиться только узбеком»¹⁶.

Идеология — важное средство формирования и мобилизации общественного сознания. Думается, ученым и идеологическим работникам страны необходимо серьезно озаботиться новым содержанием и формой того, что называется национальной идеологией. Дело в том, что вся идеологическая и пропагандистская деятельность в республике до сих пор концентрировалась больше на ее морально-этических и исторических аспектах. Но в идеологии есть еще один важный аспект — социально-политический, который в Узбекистане еще не вполне раскрыт. Не претендуя на полноту его освещения, попытаюсь предложить следующие подходы к национальной идеологии.

Идеология — не просто некий статический кодекс. В ней есть два важных аспекта:

- 1) это, главным образом, средство социально-политического самовыражения народа;
- 2) это тот «эфир», в котором поддерживаются отношения информационно-идейного обмена между государством и обществом.

Таким образом, национальная идеология — это динамичная коммуникационная система. В этой системе, в этой среде отмечаются взаимные мобилизующие импульсы общества и государства. Но это суть идеологии. Что же касается ее содержания, то этот «эфир» необходимо заполнить «токами» и «импульсами», которые послужат национальному возрождению и национальной пассионарности. Решение этой проблемы я вижу в следующих направлениях.

Исторически Узбекистан всегда был очагом наук и искусств и должен стать таким вновь. Для него весьма уместны слова великого Ф. Жолио-Кюри о том, что наука нужна народу как воздух и вода, и страна, которая не развивает науку, несомненно, превратится в колонию. Всемирная поддержка науки и ученых является сегодня главной задачей государства.

Узбекистан должен стать центром современной, развитой и сильной системы образования и воспитания подрастающего поколения, на что у него есть необходимый потенциал. На мой взгляд, в республике и регионе следует возродить Джадидское движение в современной форме.

Узбекистан призван взять на себя особую историческую ответственность за региональные дела в Центральной Азии и стать ее интеграционным ядром.

Возможно, народу Узбекистана и государству придется серьезно задуматься над концепцией исламской демократии (подобно христианской в Европе).

¹⁶ Верность национальному духу // Халк сузи, 16 декабря 2003 [www.TRIBUNE-uz].

Это лишь некоторые наброски относительно нового подхода к национальной идеологии, которую необходимо разрабатывать в атмосфере широкой общественной демократической дискуссии.

Быть или не быть демократии?

Итак, главная болезнь политической системы Узбекистана, которую я называю советским синдромом, проявилась в ее инерционности. Поэтому, естественно, возможности данного режима ограничены. К тому же демократическое конструирование в Узбекистане столкнулось (наряду с объективными трудностями) с наличием консервативного элемента.

Как же следует продолжать движение к демократии? Важным исходным посылом, на мой взгляд, мог бы стать тезис о необходимости начать открытый диалог о проблемах страны с признанием, что решений здесь может быть много. Как утверждает Д. Растоу, демократия отнюдь не означает максимального консенсуса, она есть нечто промежуточное между «навязанным единообразием (ведущим к какому-то рода тирании) и непримиримой враждой (разрушающей сообщество посредством гражданской войны или сецессии)». Это та «форма организации власти, которая черпает свои силы из несогласия до половины управляемых»¹⁷.

Существует одно заблуждение, касающееся условий перехода к демократии — убеждение в необходимости социально-экономических предпосылок такого перехода. Основываясь на большом эмпирическом материале и изучении опыта многих государств, сегодня политологи пришли к убеждению, что нет прямой зависимости между демократизацией и уровнем экономического развития. Демократизация не является непосредственным продуктом экономической модернизации, к ней можно продвигаться и в экономически неразвитых обществах, хотя высокая стадия развития дает больше шансов для сохранения демократии¹⁸.

В целом, как показал А. Мельвиль, в анализе закономерностей демократических переходов возможен теоретико-методологический синтез структурного и процедурного подходов. В структурном подходе считается, что исход демократизации зависит преимущественно от социально-экономических и культурно-ценностных предпосылок и условий, способствующих (препятствующих) становлению и закреплению адекватных институтов и норм. В процедурном же подходе приоритет отдается особенностям, а также последовательности конкретных решений и действий ограниченного круга инициаторов и непосредственных политических участников процесса демократизации¹⁹. Учет как объективных (структурных), так и субъективных (процедурных, или, как еще говорят, волюнтаристских) факторов важен для осмысления особенностей демократического конструирования в Узбекистане.

Сгруппированные выше девять практических проблем и восемь концептуальных дихотомий ждут своего разрешения на новом этапе демократизации страны. Но кто этим займется, кто является носителем демократической идеи? Узбекистан переходит к демократии на так называемой «третьей волне демократизации», описанной С. Хантингтоном. Исследовав группу происходящих в определенный период времени режимных переходов от недемократических к демократическим, названную волной демократизации, Хантингтон сделал важные заключения о причинах, вызывающих ее, а также об «обратной вол-

¹⁷ Rustow D.A. Transitions to Democracy — Toward a Dynamic Model // Comparative Politics, 1970, Vol. 2, No. 3 (цит. по: Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис, 1966, № 5).

¹⁸ См., например: Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис, 1998, № 2.

¹⁹ См.: Там же.

не», то есть обратном переходе от демократических к авторитарным режимам. Наиболее весомой представляется выведенная им формула возможных способов демократизации, согласно которой демократический переход может осуществляться путем трансформации, замены, или, так сказать, трансформационной замены (совместно осуществляемых перемен)²⁰. В первом случае инициатива демократизации принадлежит тем, кто обладает властью, и авторитарный режим играет главную роль в завершении существующего режима и его трансформации в демократический. Во втором случае группа реформаторов в системе власти слаба, инициатива демократизации принадлежит сильной оппозиции, которая может свергнуть существующий режим. Наконец, в третьем случае и власти, и оппозиция обладают равными возможностями, а в правительстве есть довольно значительное количество реформаторов. При этом демократизация представляет собой совместные действия, то есть сотрудничество правительства и оппозиции в осуществлении перемен.

Как представляется, на сегодняшний день в Узбекистане еще не исчерпан путь трансформации. Потенциал «реформирования сверху» значителен, республика может избавиться от советского синдрома таким же способом, каким были начаты реформы в советском государстве — объявив перестройку и новое мышление. Нынешняя слабость демоса — один из аргументов в пользу такого пути трансформации.

Завершившийся 2008 год был примечателен осторожными подвижками в процессе политических реформ в Узбекистане. Так, в октябре в Ташкенте состоялся медиафорум, в работе которого участвовали представители известных международных организаций, в том числе специализирующиеся на проблематике прав человека. На форуме состоялся достаточно откровенный разговор о состоянии данной проблемы и в целом о ходе политических реформ в стране.

А в начале 2008 года в Узбекистане отменили смертную казнь. В республике осуществлены некоторые изменения в судебной-правовой сфере. Так, право выдачи санкции на арест передали судам. Кроме того, принята программа, приуроченная к очередной годовщине Всемирной декларации прав человека, Узбекистан ратифицировал Конвенцию об искоренении наихудших форм эксплуатации детского труда. Такие подвижки, разумеется, имеют позитивное значение.

В м е с т о з а к л ю ч е н и я

23 декабря 2007 года в Узбекистане прошли президентские выборы, по итогам которых И. Каримов вновь был избран главой государства на семилетний срок. По-видимому, в дальнейшем смена власти в Узбекистане будет происходить таким образом, чтобы обеспечить сохранение преемственности курса и неизменность парадигмы власти. Основой этой смены станет «конформистская демократия» и оппортунизм политических партий, а движущей силой — непосредственное окружение ныне действующего президента, осуществляющее аппаратный менеджмент. Все это можно было бы считать приемлемой моделью передачи власти новому поколению руководителей, даже интерпретировать ее как протодемократическую, поскольку, как говорится, иного не дано. Но все зависит от типа этого нового поколения руководителей. Если взглянуть на проблему не только с учетом характера отдельных персон, а более системно, то можно заметить, что в Узбекистане за годы независимости была внедрена (точнее — восстановлена) советская политическая система. С этой точки зрения и новое поколение фактически стало носителем неосоветского мировоззрения.

²⁰ См.: Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. University of Oklahoma Press, 1991. P. 114.

Наступил момент истины. Можем ли мы считать наблюдаемые нами в странах Центральной Азии явления началом конца пресловутого переходного периода, на который так любили по разным поводам ссылаться практически все политические лидеры? Думается, действительно, страны региона находятся на пути из переходного периода к стадии нового формационного развития (так сказать, переход из перехода).

Ныне мы являемся свидетелями уже шести способов смены политической власти на постсоветском пространстве. В России действующий президент (Б. Ельцин), не дожидаясь окончания срока своего правления, ушел в отставку, а его место занял будущий президент (В. Путин). В Азербайджане фактически власть перешла от отца к сыну. В Грузии политическая оппозиция выступила против действующей власти и вынудила президента уйти в отставку. В Украине оппозиция победила на очередных президентских выборах. В Молдове к власти вновь пришли коммунисты. В Кыргызстане власть сменилась в результате успешного выступления объединившихся против одного человека — президента — разных политических сил и грубой политической ошибки, допущенной главой государства накануне президентских выборов.

Ни один из приведенных примеров не является подлинно демократическим феноменом. На мой взгляд, это связано с двумя фундаментальными факторами: **эндогенным, как наследием советской системы, и экзогенным — наследием «холодной войны»**. Уточню свою мысль. Первое: не решен вопрос о сущности формационного перехода. Это переход от чего к чему: от социализма к капитализму, от тоталитаризма к демократии, от плановой экономики к рыночной? Это отнюдь не риторические вопросы, поскольку в странах Центральной Азии одновременно действуют законы натурального хозяйства, капиталистической системы и современной научно-технической революции²¹. Более того, вопрос о демократии в регионе оказался не только вопросом о политических ценностях или форме правления, это и вопрос о самоидентификации наций. А для республик и народов Центральной Азии вопрос о национальной демократии трансформируется в вопрос о региональной демократии²².

И второе. Существует связь между демократией и геополитикой. В государствах Центральной Азии геополитика, или новая геополитика, тоже проникла (как и вопрос о демократии) в национальную генетику. Демократическое самоопределение республики, если можно так выразиться, станет, очевидно, не просто результатом внутренней социально-политической эволюции страны, но и во многом внешнего воздействия, причем последнее будет само по себе двоякого рода: сдерживающее и стимулирующее. Так, в последнее время все более отчетливо проявляются различия в позициях России и США/Запада по вопросу о демократической перспективе в постсоветских государствах, особенно — в странах Центральной Азии. В частности, то, что для Запада называется поддержкой и продвижением демократии, для России (и большинства других государств СНГ) все больше кажется геополитическим замыслом.

А пока новые независимые государства Центральной Азии остаются подверженными советскому синдрому. Ему же подвержены и на демократическом Западе, видя в нас — постсоветских — новых советских.

²¹ Об этом подробнее см.: *Толитов Ф.* Демократизм, национализм и регионализм в Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ*, 2000, № 4 (10).

²² Об этом подробнее см.: *Tolipov F.* National Democratism or Democratic Nationalism? В кн.: *Security through Democratization? A Theoretically Based Analysis of Security-Related Democratization Efforts Made by the OSCE. Three Comparative Case Studies (Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan, 2003—2004)*. Hamburg: Center for OSCE Research, 2004.